

Общественно-политические процессы и социальные коммуникации: теория и методология

Д. Зеверт

Советский карнавал: от политического шествия до «праздника для народа»

Статья посвящена истории карнавала в Советском Союзе. Карнавал использовался большевиками в качестве политического праздника. Даты и поводы для празднования менялись с течением времени. В первые послереволюционные годы карнавал был средством легитимации новой власти. После фазы относительно свободного художественного оформления он превратился в средство представления концептов о будущей жизни в Советском Союзе. После Второй мировой войны карнавал лишился своей выдающейся позиции в праздничном каноне. На VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в 1957 г. наступил апофеоз карнавальной традиции в Советском Союзе.

Ключевые слова: праздник, советский праздник, карнавал, Всемирный фестиваль молодежи и студентов, легитимация власти, концепты будущей жизни.

Революционные события и карнавал по своей природе – тесно связанные друг с другом события. Карнавал как форма революции создал свой собственный образ действия, свои собственные правила и, в конце концов, как и революция, был введен в порядок, создавая новые общественные правила¹. Новая советская власть нуждалась в новых формах выражения своей легитимности. Соответствующую этому требованию форму большевики нашли в карнавале или в «карнавализации», отражавших темп и импульсивность революции.

Для того чтобы понять, чем был карнавал в Советском Союзе, необходимо отметить, что это не был карнавал в классическом понимании. Поводы для проведения карнавала менялись по желанию

властей. Советская власть, прежде всего, использовала карнавал в качестве политического праздника, причем интенсивность его содержания варьировалась на различных этапах существования Советского Союза. Помимо символичного и образного содержания политический праздник всегда служит идентификации власти и способствует рождению патриотизма. При этом политический праздник всегда связан с историей, его содержание отсылает к историческому контексту².

Рассматривая феномен карнавала в советский период, можно выделить несколько фаз карнавала, характеризующихся по содержанию, интенсивности и цели проведения.

В ранней фазе, которую можно назвать карнавальной в целом, в 1920-е годы карнавальное мироощущение как доминанта массового сознания постепенно теряло почву. Праздник превратился из революционного в панегирический ритуал власти и солидарности. Карнавал, однако, остался любимой темой в праздничной культуре. На смену импровизированному карнавалу в середине 1920-х приходил замысел инсценировки с карнавальными признаками, которые часто называли термином «карнавал»³. Самой известной формой карнавала в этом периоде стал индустриальный карнавал, который в своем художественном исполнении показывает изумительное сходство с формами выражения в Западной Европе⁴.

После голода 1932–1933 гг. в 1934–1936 гг. можно было вздохнуть спокойнее. В это время праздники вошли в обиход не только как бережно лелеемая часть культурной практики советской власти, но и служили метафорой нового состояния общества, в котором государство мысленно находится. Праздники служили эмблемой достигнутого и открывали перспективу движения вперед⁵.

Считается, что 1935 год стал годом рождения нового советского карнавала. Организаторы с восторгом заявляли, что они создали необыкновенный грандиозный массовый праздник со 120 000 участников: «Итак, 8 июля 1935 г. на свет появился родоначальник огромного и все умножающегося веселого потомства. Имя ему – Карнавал, прозвище – Советский первый»⁶. Проведение второго карнавала такого формата уже декларировалось как традиция, которая, правда, длилась всего лишь до 1940 г.

В послевоенное время карнавал лишился своего особенного положения в праздничном календаре. Как и другие советские праздники, он подвергся процессу «оповседневнования» и, таким образом, отличался от обычных молодежных гуляний только внешним оформлением.

Кратким периодом возрождения и одновременно кульминационным пунктом развития карнавала в Советском Союзе стал VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в 1957 г. в Москве. Комиссия по организации и проведению Всемирного фестиваля имела ряд преимуществ в деле подготовки карнавала по сравнению со своими коллегами в 1930-х годах. Подготовительный комитет работал не на пустом месте, основные принципы карнавала были разработаны еще перед войной. Несмотря на то что в 1947 г. состоялись мероприятия под названием «карнавал», все-таки в послевоенное время карнавалы не занимали значительное место в праздничном репертуаре. Но эта форма использовалась уже в предыдущих фестивалях молодежи и студентов, которые проходили в Праге (1947 г.), Будапеште (1949 г.), Берлине (1951 г.), Бухаресте (1953 г.) и Варшаве (1955 г.).

Готовиться к фестивалю начали заранее, в отличие от предшествующих карнавалов. Это был большой плюс, так как у организаторов было достаточно времени для подготовки нового карнавала. Проведение республиканских фестивалей молодежи, проходивших с сентября 1956 г. по май 1957 г., в свою очередь, дало возможность репетиции и совершенствования всех элементов карнавала.

Цель организаторов состояла в создании особенного карнавала, в первую очередь по масштабности и грандиозности, которых на предыдущих фестивалях не было. При этом одной из главных проблем карнавала 1957 г. было отсутствие у советской молодежи навыков празднования карнавала, так как такие масштабные праздничные мероприятия уже долго не проводились⁷. Фестиваль в Москве должен был «показать идейный и культурный рост советской молодежи, ее высокие моральные качества»⁸. В целях такой идеальной презентации на Всемирном фестивале в программу республиканских молодежных фестивалей были включены карнавалы. Особенно выделялся ташкентский карнавал, который по своей массовости (100 000 участников) напоминал карнавалы 1930-х годов⁹.

Доказательством того, что карнавал на Всемирном фестивале был важным мероприятием, служит та бурная дискуссия, которая развернулась в подготовительном комитете фестиваля. Члены комитета зачастую не сходились во мнениях о положении, масштабе, оформлении и содержании карнавала. Главный вопрос, который обсуждался, заключался в определении того, можно ли расценивать все время проведения Всемирного фестиваля как карнавальное. Мнения колебались от резкого уменьшения элемента карнавала в сценарии фестиваля, так как «карнавал – одно из меропри-

ятий, и шуметь о нем, как предлагается в программе, надобности нет», до подчеркивания карнавала как главного действия и сокращения карнавальных моментов в других мероприятиях. Несмотря на то что высказывалось мнение, что проводить общемосковский карнавал – немыслимое дело (по мнению члена организационной комиссии, такое мероприятие превышало бы возможности организации), члены художественного совета убедили организационную комиссию комитета в необходимости обеспечения масштабности и грандиозности такого карнавала¹⁰.

В документах Комиссии по организации и проведению VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, отложившихся в РГАСПИ, сохранились сведения, что комиссия была нацелена на, по крайней мере, частичное изменение советских карнавальных традиций. По мнению организаторов, идея театрализованных выступлений провалилась, так как «суть в них не ясна и человек в них не существует. Лишь свободное, радостное собрание может выражать идею дружбы»¹¹. Кроме того, было очень важно, что исполнялась мечта организаторов о выходе карнавала из загороженной тесноты городских парков в город. Комиссия подчеркивала, что большой карнавал Всемирного фестиваля должен стать общегородским, «охватить самые широкие просторы Москвы». Таким образом, оформлены должны были быть не только центр, но и различные точки города. Для Парка культуры им. Горького была предусмотрена идея русского народного гулянья, выражавшая праздничные традиции различных эпох: от святочных ряженных и лихих русских троек, и девичьих гаданий на суженого до современных карнавальных викторин. Традиционное оформление включало карусели, русские горки, перетягивание каната и другие национальные русские игры. В Парке культуры в Сокольниках должна была быть отражена тематика 15 советских республик, принимающих у себя гостей¹². Также разнообразно были оформлены и украшены на все время фестиваля городские улицы и площади. Они включили в себя социалистические, научные, исторические и сказочные сценарии оформления на темы «Герои мировой литературы», «Сохраняй природу», «Мир, труд, дружба, любовь, счастье» или «Покорители Арктики и Антарктики»¹³. Особенная карнавальная окраска была осуществлена в основном в дни перед карнавалом. С целью привлечения внимания к предстоявшему событию и создания карнавального настроения на улицах Москвы появились «конные и пешие кавалькады глашатаев, затейливо убранные карнавальные колесницы, шествия ряженных, процессия слонов, верблюдов, осликов (из Зоопарка), ватаги зазывал, пробные проезды карнаваль-

ных поездов, конные и автопоездки с костюмированными конфет-рансье». Чтобы обеспечивать участников карнавала костюмами, во всех районах Москвы были организованы карнавальные базары со всевозможным выбором карнавальной продукции и оркестрами¹⁴. Организаторы также подхватили идею карнавала 1935 г. как витрины будущего Советского Союза и, в частности, Москвы.

Карнавал 1957 г. раскрывал также воспитательную функцию советских праздников. На карнавале состоялся конкурс лучших девушек и юношей. Награждение победителей состоялось в форме свадьбы. Предполагалось, что признанные лучшими девушки и юноши (при подготовке конкурса спорили, по каким признакам – красоте или внутреннему содержанию – должен пройти выбор) должны были в результате этого конкурса найти свое личное счастье и отпраздновать его вместе с обществом¹⁵.

Отчеты Советского подготовительного комитета об итогах VI Всемирного фестиваля свидетельствуют о том, что в глазах организаторов карнавал удался. Вместо ранее планировавшихся 100 000 участников на карнавале присутствовало более двух миллионов человек. Во всех районах Москвы, во всех парках и садах, на многих площадях и улицах проводились карнавалы и карнавальные гулянья. Все парки и сады были художественно оформлены. Город был охвачен весельем. Повсюду проводились массовые танцы и игры, концерты. Клоуны приглашали жителей Москвы и прохожих к участию в карнавале. На шествиях визуально доминировали огромные, 12-метровые бутафорские фигуры клоунов, охотников, баянистов, шахматиста, волка и др. Выбор таких фигур свидетельствует о том, что политическая нагрузка предшествовавших карнавалов на фестивале 1957 г. отсутствовала¹⁶. Успех карнавала дружбы в значительной степени можно также объяснить участием иностранных делегатов. Они придали мероприятию особенный колорит, и появление большого количества молодых иностранцев также привлекало многих жителей Москвы. Таким образом, была создана настоящая карнавальная атмосфера, освобожденная от страха и трудностей повседневности.

Карнавал дружбы на Всемирном фестивале молодежи и студентов являлся апофеозом карнавальных событий в Советском Союзе. Впоследствии карнавалы не проводились в таком масштабе. В связи с уменьшением масштаба место проведения все чаще перемещалось из парков культуры в дома культуры.

Трансформировалась и идеологическая составляющая карнавального действа. В 1961 г. на семинаре, который был посвящен организации и методике проведения карнавалов, обсуждался во-

прос согласованности карнавала и политики. В частности, в центре дискуссии стоял вопрос, можно ли отказываться от политической направленности карнавалов. Организаторы согласились с тем, что это невозможно, ссылаясь на высказывание Н.С. Хрущева, который в этом году определил коммунизм как «счастье человечества, коммунизм – это радостная, веселая, счастливая жизнь». И эта радость советского человека, идущего к коммунизму, может быть выражена разными формами, в том числе карнавалом. Таким образом, центральными темами карнавалов должны были стать идеи радости и счастья в коммунистическом обществе¹⁷. Однако и эти намерения оказались не в состоянии вывести карнавал из кризиса. По сравнению с другими массовыми праздниками карнавал отмирал. Ленинградский режиссер массовых праздников С.В. Якобсон говорит даже о регрессе карнавала, особенно в областях творческой выдумки и динамики. Сотрудники Ленинградского парка культуры и отдыха накануне летнего сезона 1961 г. высказывали мнение о том, что не стоит проводить карнавалы, так как они «не удаются» и не увлекают молодежь¹⁸.

Однако с возрождением традиционных праздников, например масленицы, карнавальные свойства и ощущения переходили на эти старые языческие формы, которые в официальной риторике теперь считались нужными и городскому человеку в плане восстановления психологического равновесия. Признавалось, что в быстрое время настоящего человек нуждается в магических моментах, наполненных фантазиями, гротеском и забавами, которые дают ему полную свободу¹⁹.

Таким образом, советский карнавал являлся карнавалом в полном смысле данного понятия лишь частично. Карнавал в том смысле, который вкладывал в него М.М. Бахтин²⁰, происходил только в самом начале существования Советского Союза и частично в 1957 году. Бахтин говорит, что всенародность принадлежит самой природе карнавала. Однако здесь возникает вопрос, насколько можно говорить о всенародности, если карнавалы происходили в изолированных пространствах городских парков отдыха и культуры. Немецкий славист Н. Друбек-Майер указывает на то, что карнавал не обязательно является контркультурой и также не обязательно является смеховой культурой²¹. Этим можно объяснить явление карнавала в 1930-х годах, в которых теория Бахтина уже не действует. Если в 1920-х годах карнавальная смех еще чувствовался, то в 1930-х годах он превращался в усмешку. Кроме того, важно отметить, что восприятие времени советским человеком принципиально отличался от человека средневековья, на основе которо-

го М.М. Бахтин создал свою теорию. Для советской культуры был характерен ключевой концепт «счастья», который одновременно был связан с концептами «свобода» и «любовь». Это счастье, однако, было полностью достижимо только в будущем. Поэтому советские карнавалы позволяли взглянуть на «светлое» будущее. С укреплением советского строя разделение будни – праздники было упразднено. Участники карнавала хотя и могли отдыхать от тяжелых будней, однако будничные задачи всегда окружали праздничных людей.

С самого начала советская власть использовала карнавал в качестве политического инструмента, который был в состоянии объяснить цели новых властителей. Элементы крестьянской игровой культуры были сознательно использованы для трансляции новых идей. С укреплением власти народное гулянье отойдет на задний план, как и самодеятельность. Таким образом, был создан новый, «советский» карнавал. Антрепренерство перешло от партийных деятелей к сотрудникам парков культуры и отдыха и профсоюзам. Участники карнавалов все больше и больше превращаются в статистов самоинсценировки элиты. С 1935 г. карнавал лишается своей выдающейся позиции в культурной жизни города, уходит с улицы за стены домов культуры. Но все-таки в праздничном репертуаре Советского Союза карнавал сохраняет свою особенную роль. В отличие от других праздников, в которых участие было обязательное, в карнавалах оно было добровольное. Ограниченное количество входных билетов и достаточно высокие цены приводили к отсеву празднующих. Участие в карнавале, таким образом, становилось привилегией. Однако такой карнавальный спектакль люди воспринимали как ненастоящий, бездушный. Впоследствии, с 1940-х годов, карнавал лишился своего высокого статуса. Как своего рода апофеоз развития карнавала в СССР карнавальное время хрущевской оттепели со своей открытостью и свободой было в состоянии возродить карнавал и охватить весь город. Но этот настоящий карнавал одновременно стал и концом больших карнавалов. В переполненном праздничном календаре стандартизованные, монотонные шествия были все же предпочтительнее.

Примечания

¹ *Eco U. The frames of comic 'freedom' // Eco U., Ivanov V.V., Rector V. Carnival! Berlin et al: Walter de Gruyter, 1984. P. 6–7.*

² *Сарайкина Д.Ю. Политический праздник как элемент политической культуры // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 3. С. 77–78.*

- ³ Ермолин Е.А. Демонстрация и карнавал в русской культуре первой четверти XX в. // Русская провинция и мировая культура: Тезисы II межвузовской научной конференции. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 1998. С. 33–34.
- ⁴ Захаров А.В. Карнавал на две шеренги: к истории советских массовых празднеств // Человек. 1990. № 1. С. 54; Цехновицер О. Демонстрация и карнавал. Л.: Долой неграмотность, 1927. С. 115–119.
- ⁵ Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. С. 251.
- ⁶ Добровольский И. Первый советский карнавал // Массовые праздники и зрелища: Сб. М.: Искусство, 1961. С. 86.
- ⁷ РГАСПИ. Ф. М-3. Оп. 15. Д. 10. Л. 143–144.
- ⁸ Там же. Ф.17. Оп. 172. Д. 34. Л. 4.
- ⁹ Там же. Ф.М-3. Оп. 15. Д. 18. Л. 7.
- ¹⁰ Там же. Д. 10. Л. 143–144, 149–150.
- ¹¹ Там же. Л. 148.
- ¹² Там же. Д. 12. Л. 92; Д. 96. Л. 14–15.
- ¹³ Там же. Д.11. Л. 7, 12–13; Д. 39. Л. 2.
- ¹⁴ Там же. Д. 96. Л. 5–6.
- ¹⁵ Там же. Д.10. Л. 143; Д. 96. Л. 2, 4.
- ¹⁶ Там же. Д. 84. Л. 15–17.
- ¹⁷ Глан Б. Массовые театрализованные представления и праздники: Литературная обработка стенограмм Н.Д. Синцова. М.: Всероссийское театральное общество, 1963. С. 90–91.
- ¹⁸ Там же. С. 87; Конторович С. Карнавал тоже нужен // Культурно-просветительная работа. 1961. № 5. С. 38.
- ¹⁹ Рюмина И. Народный карнавал: Из прошлого – в будущее // Декоративное искусство СССР. 1987. № 2. С. 39–43.
- ²⁰ См.: Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М.: Худож. лит., 1965. С. 8–16.
- ²¹ Drubek-Meyer N. Die Frage der Urhebererschaft im Karneval und die Kehrseite des Dialogbegriffs: Eine Lektüre von Bulgakovs *Master i Margarita* mit und gegen Bachtin // Welt hinter dem Spiegel: Zum Status des Autors in der russischen Literatur der 1920er bis 1950er Jahre / Städtke K. (ed.). Berlin: Walter de Gruyter, 1998. P. 78.